

1945 25 1970

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЗА НАУКУ

Орган парткома, ректората, профкома и комитета ВЛКСМ

Московского ордена Трудового Красного Знамени физико-технического института

Год издания 12-й
№ 16 (340)

Вторник, 5 мая 1970 года.

Цена 1 коп.

С ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ!

9 мая — День Победы.

Четверть века назад советский народ и его воины одержали победу над фашизмом. Трудным и длительным был путь к победе. Советскому народу, воинам пришлось пережить немало горьких дней, особенно в начале войны. Но советские люди не падали духом. Под руководством Коммунистической партии народ поднялся на защиту великих завоеваний Октября.

В ожесточенных сражениях советские воины показали величие своего богатырского духа, массовый героизм, высокое воинское мастерство, превосходство нашего строя. Советские Вооруженные Силы сыграли главную, решающую роль в разгроме фашистских полчищ. Они не только освободили свою родную землю, но и помогли народам стран Европы и Азии завоевать свою независимость в борьбе против фашизма и милитаризма, многим из них встать на путь демократического

развития, на путь строительства социализма. Нашу армию по праву называют армией-освободительницей. Своим героическим трудом ковали победу над врагом и труженики тыла.

Не сотрется в веках в памяти народа бессмертие защитников Родины. Перед величием их подвига склоняют голову советские люди, все прогрессивное человечество.

Вечная память и слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины, за счастье нынешнего и грядущих поколений!

Наш институт достойно встречает великий праздник Победы.

Сердечно поздравляем участников войны, тружеников тыла, профессоров, преподавателей, аспирантов, студентов, сотрудников с великим праздником Победы и желаем новых трудовых, творческих успехов на благо нашей Родины.

С праздником Победы вас, дорогие товарищи!
Ректорат, партком, профком, комитет ВЛКСМ.

ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ

Мне пришлось участвовать в боях с первого дня войны.

Соединение, в котором я служил в должности начальника штаба артиллерийского полка, по тревоге заняло оборонительный рубеж на шоссе Брест—Минск. Уже 23 июня разгорелся ожесточенный бой, длившийся весь день. Но силы были неравными. Противник танками раздробил соединение на отдельные изолированные группы. Управление нарушилось, и наше сопротивление к вечеру полностью прекратилось. Горсть песка в стволы орудий, выстрел из-за укрытий — и от наших красавцев-орудий осталась исковерканная масса металла.

Мы оказались в тылу врага, в окружении, одни без руководства и управления. Перед каждым встал вопрос: что делать дальше?

Разрозненные группы в лесах довольно быстро объединялись, выявлялся командный состав, по старшинству назначался, а чаще выбирался старший — командир группы, комплектовались отделения, взводы, роты, создавались партийные и комсомольские организации.

Группа, в которой я оказался, численностью около 250 человек, вооруженная винтовками, гранатами и пулеметами, вновь стала боевой единицей.

Было принято решение — громить штабы, колонны противника и отрезать их от танков.

Уже 25 июня наша группа из засады на опушке леса уничтожила две автомашины, три мото-

цикла, две повозки и задержала движение колонн противника на несколько часов. Этот первый маленький успех воодушевил личный состав.

Фашистские воины, как огня, боялись входить в лес, зная, что их там ждет. По маршруту движения мы разрушали мосты и линии связи.

Особенно горячими были воскресные дни. Дело в том, что гитлеровцы по выходным дням не воевали, они отдыхали, веселились, пьянствовали, купались в реках и т. п. Этот порядок у них был введен еще ранее на западе. Можно только представить, как велик был у нас соблазн резануть из автоматов по купающимся ок-

купантам. Но очень скоро немцы поняли, что здесь не запад и в первые месяцы войны выходные дни были отменены. Уже очень дорого обходились они фашистским войскам.

Таких боевых групп, как наша, были тысячи, они наносили противнику ощутимые удары, сковывали его действия, резко снижали темп наступления.

9 июля наша группа с боем форсировала Днепр в районе г. Быкова и вышла к своим войскам. В ходе этого боя я был контужен с большой потерей крови и пришел в сознание только в госпитале. Не подвели боевые друзья, вынесли и спасли мне жизнь.

В конце июля я был вновь назначен на должность начальника штаба артиллерии 112 мотострелковой дивизии в составе 16 А, которой командовал генерал К. К. Рокоссовский.

Уже в первых числах августа наша дивизия вела успешные бои по уничтожению воздушного десанта в районе г. Ярцево, а затем перешла к обороне, оседлав автостраду Минск — Москва. Здесь развернулись ожесточенные бои, которые продолжались около пяти суток. Враг пытался овладеть автострадой — крайним путем к Москве. Мы выстояли, выдержали удар огромной силы. Горы трупов, сотни подбитых танков покрыли лежащую перед нами местность.

Началась историческая битва за Москву на дальних подступах.

И. ЛАРИН, полковник запаса.

НАШ СОВЕТСКИЙ ВОИН

Многие детали боевых эпизодов постепенно уходят из памяти, но один из них навсегда запомнился.

Полк вел боевые действия в Венгрии. Полку, находящемуся в резерве корпуса, было приказано занять оборону и не допустить прорыва и выхода из окружения немецкой группировки. Две батареи полка хорошо окопались, замаскировались в районе магистрали и ждали наступления немцев. В одной из батарей была машина лейтенанта Воробьева Александра Никифоровича. Разгорелся тяжелый бой. Одним из снарядов самоходная установка была подбита. Лейтенант Воробьев получил тяжелое ранение, погиб наводчик. Не покидая машины, преодолевая боль, Воробьев продолжал бой, сам наводил орудие и расстрели-

вал танки немцев. И снова один из снарядов попал в боевое отделение машины, заряжающий был убит, лейтенанту Воробьеву оторвало правую ногу. Из горящей машины его вынес механик. По правде говоря, мы, участники этого боя, не верили, что он останется живым.

И вот недавно наш бывший комсорг полка, ныне инвалид, майор запаса, учитель Букинской средней школы г. Лобни Гурьев Григорий Кириллович организовал встречу друзей-однополчан. Встреча была приурочена к открытию музея боевой славы полка в школе. Были приглашены гости из Чехословакии, которые привезли урну с землей, взятой с могил наших однополчан, погибших и похороненных в Че-

хословакии. Среди однополчан был и Воробьев Александр Никифорович. Улыбаясь, Воробьев рассказывал: «Долго я в госпиталях лежал, около 8 месяцев, но выдюжил. Пришлось учиться писать левой рукой, окончил юридический институт, изъявил желание

поехать работать на Сахалин. Работая, окончил заочно педагогический институт. Работая учителем в Калужской области в 8-летней школе».

Тепло мы провожали Воробьева домой в Калужскую область. Вот он какой, наш советский воин, мужественный и отважный в бою, упорный, трудолюбивый и скромный в мирные дни.

Н. ГУРОВ,
подполковник запаса.

В РАЗВЕДКЕ

22 июня 1944 года наш 1-й Прибалтийский фронт совместно с тремя Белорусскими перешел в наступление, чтобы разгромить сильнейшую фашистскую группировку «Центр», прикрывавшую Берлинское направление.

Накануне общего наступления напряженно пришлось поработать разведке всех ступеней — от полковой до армейской. Активно действовала и наша батальонная. Наш отдельный лыжный батальон являлся резервом командира дивизии и находился на правах полка. Перед нами ставилась задача — выявить и уточнить огневые средства и уязвимые участки в обороне врага. И, конечно, лучше всего это можно было осуществить с помощью «языка». Но враг настоиже, «язык» никак не давался. Наконец повезло нашей батальонной разведке. Мы захватили целиком всю разведгруппу фашистов в количестве 6 человек. И захватили ее у себя в тылу.

Дело было так. Перед началом наступления командование фронтом отдало приказ о подготовке войск к предстоящим наступательным операциям.

Врага заинтриговали ежедневные бои «в тылу» советских войск. Чтобы выяснить, что здесь происходит, немецкое командование и выслало разведку и как раз на участке нашего батальона. Получив донесение из боевого охранения о том, что через передний край просочились немецкие лазут-

чики, командир батальона майор Аванесов направил туда батальонную разведку. На единственной, через лес идущей тропинке мы внезапно столкнулись с немцами, захватили раненого фельдфебеля, командира разведки. Мне и одному из бойцов поручено было доставить его в штаб батальона. Учитывая «ценность» фрица, сажаю его на спину и через 2 км форсированного марша мы — в батальон. Вернувшись обратно, видим окруженное со всех сторон небольшое болото и торчащие из камыша поднятые руки. «Язык» оказался довольно длинным. Сведения, сообщенные немцами, помогли нам быстро прорвать оборону врага — освободить Полоцк, Городон, Двинск, Краславу. Во время летних боев 1944 года я был дважды ранен. В феврале 1944 года был принят в кандидаты, а в июле — в члены КПСС. Прием в члены КПСС прошел быстро и просто. В полк для оформления приема в члены КПСС бойцов и командиров прибыл начальник политотдела дивизии. А я только что подвел к штабу полка «гарнизон» немецкого блиндажа из 6 человек, сдавшегося мне в плен. Поэтому дополнительных вопросов при приеме не последовало. Сфотографировавшись для партийного билета, я вернулся в батальон.

И. ПОПОВ, доцент.

ВОТ КАК ЭТО БЫЛО

Утренняя сводка Советского Информбюро от 21 апреля 1942 года начиналась сообщением о том, что на Северо-Западном фронте подразделения саперов под командованием старших лейтенантов Дзюбейло и Овчарова уничтожили более трехсот немцев. Вот как это было.

Зимой 1942 года войска нашего фронта окружили Староруссо-

во утром мы прибыли в указанный район на командный пункт командира оборонявшейся дивизии. До выяснения обстановки и уточнения задачи свои подразделения мы расположили в лесу, заняв оборону. Командир дивизии приказал готовиться к выдвигению в направлении совхоза «Пено» для перекрытия здесь дороги и опасных направлений противотанковыми миными полями. Обстановка была тяжелой. КП начал перемещение в другой район.

Не успел я довести задачу до исполнителей, как немцы численностью до роты появились в районе КП. Чтобы отстоять КП, мы подняли своих саперов в контратаку. Не ожидая такого удара, немцы понесли большие потери, остаток этого подразделения был отнесен на 700—800 метров, а мы заняли удобную для обороны опушку леса. Подтянув другие подразделения и минометы, противник предпринял серию атак, пытаясь смять нашу оборону. Но саперы стояли насмерть, и немцы, каждый раз неся потери, откатывались на исходный рубеж. Этот бой продолжался полтора суток. Не удалось противнику и обойти нас слева, так как этот маневр был вовремя разгадан. Мы сумели перестроить свою оборону и буквально уложили обходящее нас подразделение. Пока шел бой, КП был перемещен и были приняты меры по восстановлению положения на этом участке фронта. Потеряв до батальона личного состава, противник прекратил атаки. Наши потери тоже были значительными. Из шести командиров осталось только двое, а сержантов и солдат — около 30%. Погиб в этом бою и старший лейтенант Дзюбейло.

Так достигалась победа над врагом.

И. ОВЧАРОВ, полковник.

Демянскую группировку немцев, которой командовал генерал-полковник Буш. Расчленив и уничтожив эту группировку не удалось. В том же году весной противник предпринял ряд контрударов и на отдельных участках потеснил наши части и даже образовал коридор между окруженными частями и внешним фронтом.

Однажды ночью я и Дзюбейло — командиры саперных рот 202 инженерно-саперного батальона — получили срочное задание: прикрыть один из участков фронта миными полями, чтобы сорвать возможные танковые атаки немцев восточнее совхоза «Пено». Ра-

НА САНДОМИРСКОМ ПЛАЦДАРМЕ

Мне довелось непосредственно участвовать с начала войны и закончить ее в Берлине...

Наш полк вышел к Висле. Перед нами была поставлена задача форсировать Вислу и овладеть плацдармом.

Как только стемнело, мы начали разбирать сараи и готовить плоты. Нашли одну лодку. Выручили разведчики, они с того берега пригнали понтоны.

Глубокой ночью 29 июля мы начали переправу. Отдаю указание командиру роты, которая первой переправилась, расположиться в кустах у воды и сидеть тихо, боя не начинать. Ждать второго рейса понтона, а затем ударим вместе. Все шло хорошо. Но когда понтон второй раз стал отходить от берега, немцы обнаружили нас и открыли огонь. В ответ заговорила наша артиллерия. В то же время первая рота завязала бой. Положение складывалось критическое. Если мы не переправимся, первая рота погибнет в неравном бою. Отступать ей некуда, позади река. Вблизи от понтона разорвалось несколько снарядов. Приказываю грести всем, чем можно —

прикладными, малыми саперными лопатами. Быстрее на помощь первой роте. Одновременно на правом и левом флангах наши соседи вступили в бой. При усиленной поддержке артиллерии и

крупнокалиберных минометов мы потеснили немцев. К утру был за-

воен плацдарм глубиной 800 м и шириной 2 км.

Немцы подняли свежие резервы и повели наступление вдоль берега, стремясь отсечь нас от реки и уничтожить. Если бы не наша штурмовая авиация и прославленные «Катюши», не удержали бы нас плацдарма. Трудно пришлось нам. Начало августа — жара, хочется пить. Река рядом, а воды принести нельзя, днем не поднять головы. Немцы ведут прицельный огонь.

В одной из атак мы захватили несколько трофейных пулеметов с боеприпасами. В трудные минуты мне самому приходилось вести огонь из трофейного пулемета. На десятый день боя за плацдарм при отражении атаки я был тяжело ранен, а связной убит. В течение дня я дважды был ранен и только с наступлением темноты меня переправили через Вислу.

Находясь в госпитале, я поддерживал связь с товарищами из нашего полка. Из писем я узнал, что сандомирский плацдарм удержали и расширили. Он стал впоследствии трамплином для нового наступления наших войск.

М. ФИРСАКОВ, инженер-майор.

УНИВЕРСИТЕТ ВОЙНЫ

Некоротка солдатская память. Мне еще и сейчас иногда снятся бомбежки, атаки. Недавно мне позвонил незнакомый мужчина. Он сказал, что в театре издали видел человека, внешне схожего со мной. В адресном столе узнал мой адрес и телефон. Это был мой боевой товарищ, с которым мы прошли половину войны и не виделись около 25 лет. Радостной была наша встреча. Весь вечер мы вспоминали события тех лет. Вспомнили и наш первый бой.

В 41-м меня, студента третьего курса мехмата МГУ, направили в Подольское артиллерийское училище. После пяти месяцев интенсивной подготовки нас, младших офицеров, отправили для формирования под Сталинград. Но к этому времени тяжелая ситуация сложилась под Воронежем. Поэтому здесь наш эшелон был спешно разгружен. Быстро сформированные части заняли передовые позиции. Вооружение, пушки образца 42 года — ЗИС-3 было новым для нас. Я часто вспоминаю многие детали этого боя теперь, когда приходится убеждать студентов в необходимости практических занятий, экспериментальной работы. Дело в том, что в училище основательно учили артиллерийскому делу теоретически. Мы

«стреляли» на настольных «полигонах», и все было ясно, где упал «снаряд», как скорректировать. Но в реальном бою, где и нужна была теория, все выглядело совсем по-другому.

Оказывается, не так-то просто определить место разрыва снаряда твоей пушки, когда огонь ведет целое подразделение: новые пушки были легкими и «прыгали» после каждого выстрела. Руководить стрельбой надо было под огнем противника. Позже, когда пришел опыт, многие действия того первого боя показались мне наивными и даже смешными.

Кстати, поскольку я вспомнил о первом бое, расскажу и о последней ночи войны. Украинский фронт под командованием Р. Малиновского освобождал Чехословакию. Никогда в своей жизни, ни раньше, ни позже, я не пережил такой радости, такой триумфальной встречи, какую оказывали нам чехи. Наши пушки, мы сами были засыпаны сиренью. Трудно было продвигаться через населенные пункты из-за толп ликующих людей. Батарея, которой я командовал, в это время остановилась в

70 км южнее Праги. По всему лесу раздавались песни, горели костры. Но вдруг налетело нес-

колько немецких самолетов, в лесу начали рваться бомбы. К счастью, жертв не было. Последняя бомбежка в последнюю ночь войны! Самое большое сражение, которое я видел своими глазами, была

Курская битва. Задолго началась подготовка. Тогда мы недоумевали, зачем нас перевозили с места на место. Довозили почти до Москвы, разгружали эшелон и ногами возвращались обратно своим ходом. Теперь это понятно: осуществлялись крупные маневры. В первые дни боев наша легкая артиллерия, призванная сопровождать пехоту огнем и колесами, не использовалась. Затем мы были введены в бой. Это было сражение, когда мы были уже сильны, а враг еще не обескровлен. Помню моменты, когда в небе я мог насчитать свыше ста самолетов. Психологическое воздействие авиации было огромно, хотя основные потери наносил минометный огонь. После двенадцати дней непрерывных боев нас отдели на перформирование.

Память человека устроена так, что светлое, хорошее даже на войне запоминается быстрее и лучше. Вот один такой эпизод. Было лето 42 года. Временное затишье на фронте. Один из красноармейцев сидит на брустеве окопа и неумело брэнчит на гитаре, но все слушают мирные звуки с удовольствием. Мимо медленно проходит пехотинец. Он останавливается и прерывает «музыканта»:

— Можно мне?

Все невольно оглядывают его неказистую и нескладную фигуру. Но вот гитара запела, заплакала в руках незнакомца. Несколько дней пехотинец радовал нас прекрасной игрой. На прощание хозяин подарил ему гитару. Это был аккомпаниатор из театра «Ромен».

Самым тяжелым лично для меня был бой под Великими Луками. Немцы откатывались на запад. Мое подразделение выдвинулось вперед. Немцы контратаковали, и мы оказались отрезанными от своих основных сил. Мой наблюдательный пункт в единственном каменном доме деревни превратился в узел обороны. Немцы непрерывно атаковали. Когда они подошли совсем близко, я вынужден был вызвать огонь на себя. Фашисты отступили. За этот бой я получил орден Красной Звезды.

От Воронежа до Праги: бой и затишье, гибель дорогих сердцу товарищей, радость побед — все пришлось испытать мне, студенту мехмата, в общем-то очень молодому тогда человеку. В учебные аудитории МГУ я вошел только зимой 1946 года.

С. ВОИТ, профессор.